

DOI: 10.14258/tpai(2021)33(2).-07

УДК 902'638'(571.64)

КОМПЛЕКСЫ ПОЗДНЕГО ПЕРИОДА НАБИЛЬСКОЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ (СЕВЕРО-ВОСТОЧНЫЙ САХАЛИН)

П. А. Пашенцев

ООО «Изыскатель СахГУ», г. Южно-Сахалинск, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8724-6462>, e-mail: pashentsev@inbox.ru

Резюме: В статье анализируются материалы раскопок двух жилищ *набильской* археологической культуры, расположенных на песчаной косе, отделяющей одну из крупных лагун в северо-восточной части острова Сахалин от Охотского моря. Исследованные археологические объекты представлены жилищами полуподземного типа с выходом в виде коридора-лаза. Объекты синхронны и имеют C14 кал. возраст в интервале IV–II вв. до н.э. В период существования поселения (климатический рубеж суббореала-субатлантика) климат был несколько теплее современного, а объекты располагались в благоприятном для ведения рыбного промысла районе острова. Хозяйственно-бытовой комплекс жилищ сходен. В керамике прослеживаются инोकультурные влияния, что отличает ее от ранних комплексов *набильской* культуры. Присутствует большое количество каменных орудий, предназначавшихся для ведения промысла. Изготовление каменных изделий производилось на месте. Вместе с каменными орудиями присутствуют корродированные фрагменты металла и каменные реплики металлических орудий. Украшения имеют транзитное происхождение, что показывает наличие обменных связей с южным Сахалином и континентальными районами Дальнего Востока. Предполагается, что в условиях дефицита металлов необходимость его импорта вызывала встраивание народов Сахалина в систему региональных торгово-обменных связей.

Ключевые слова: остров Сахалин, эпоха палеометалла, набильская культура, полуподземные жилища, остродонная керамика, каменные изделия, цилиндрические бусы, железо

Благодарности: Автор благодарит своих учителей и коллег д.и.н. А. А. Василевского и к.и.н. В. А. Грищенко за критические и наводящие замечания, способствовавшие более широкому осмыслению источников.

Для цитирования: Пашенцев П. А. Комплексы позднего периода набильской археологической культуры (северо-восточный Сахалин) // Теория и практика археологических исследований. 2021. Т. 33, № 2. С. 127–145. DOI: 10.14258/tpai(2021)33(2).07

THE COMPLEXES OF THE LATE PERIOD OF THE NABIL ARCHAEOLOGICAL CULTURE (NORTH-EASTERN SAKHALIN)

Pavel A. Pashentsev

ООО "Iziskatel SakhGU", Yuzhno-Sakhalinsk, Russian Federation
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8724-6462>, e-mail: pashentsev@inbox.ru

Abstract: The article analyzes the archaeological materials of the two Nabil dwellings located on the sand spit, which separates one of the largest lagoons in the north-eastern part of Sakhalin Island from the Sea of Okhotsk. The researched archaeological objects are presented by pit dwellings with entrances in the form of a corridor-crawway. The objects are synchronized, and they have C14 calibration age

within the 4th – 2nd century BC. During the existence of the settlement (the climate boundary was between Sub-Boreal and Sub-Atlantic phases) the climate was a little warmer than the modern one. The objects were located in the favourable fishing area of the island. The household complexes of the dwellings are similar. The Nabil's pottery has foreign cultural influence and it is differentiated from the Early Nabil complexes. There are a lot of stone tools intended for the fishery. The stone tools were locally produced. There are both the stone tools and the corroded metal fragments and the stone replica of the metal tools. The Nabil jewelry is of transit origin and it shows the presence of relationships between South Sakhalin and the continental areas of Far East. It is assumed that in the conditions of a shortage of metals, the need for its import caused the integration of the peoples of Sakhalin into the system of regional trade and exchange relations.

Keywords: Sakhalin Island, Paleometal age, Nabil culture, pit dwelling, pointed shape pottery, stone tools, tubular beads, iron

Acknowledgements: The author is grateful to her teachers and colleagues Doctor of History Alexander A. Vasilevsky and Candidate of History Vyacheslav A. Grishchenko for critical and suggestive remarks that contributed to a broader understanding of the sources.

For citation: Pashentsev P. A. The Complexes of the Late Period of the Nabil Archaeological Culture (North-Eastern Sakhalin). *The Theory and Practice of Archaeological Research*. 2021;33(2):127–145. (In Russ.) DOI: 10.14258/tpai(2021)33(2).-07

Введение

Накопление археологических источников с северного Сахалина позволило ввести в научный оборот новые культуры палеометалла, относящиеся к I тыс. до н. э.: *набильскую* и *пильтунскую* [Василевский и др., 2005, с. 17; Vasilevski at al., 2008, p. 73].

Для *набильской* культуры характерны пятиугольные одно- и двухкамерные жилища полуподземного типа, а также (для позднего периода культуры) жилища с коридором-лазом, тогда как для *пильтунской* — однокамерные четырехугольные подквадратной формы жилища полуподземного типа без очевидных предвходовых конструкций.

Различны керамические комплексы. Для *набильской* культуры характерны остродонные сосуды с прямой или слабопрофилированной горловиной, овальными внешне симметричными и грибовидными внешне асимметричными венчиками, для *пильтунской* — круглодонные профилированные изделия с отогнутыми венчиками овальной внутренне асимметричной формы. В последней часто встречаются наклепные бордюры с внешней стороны изделий, вдоль кромки венчика. В обеих керамических традициях широко используется техника гребенчатой штамповки, однако прослеживается разница как в узорах, так и в стилистике декора.

Каменный инвентарь, хотя и в незначительной степени, присутствует в комплексах обеих культур. В каменном инвентаре *набильской* культуры часто встречаются орудия, изготовленные с использованием отжимной техники, а также техники шлифовки. В *пильтунских* комплексах шлифованные изделия преобладают, а вопрос использования носителями *пильтунской* культуры отжимной техники для изготовления орудий требует изучения, поскольку изделия, изготовленные в ней, единичны, а их попадание в комплекс может быть обусловлено характером формирования культурного слоя в условиях разнокультурных и разновременных поселений, существовавших на одной территории.

Памятники *набильской* культуры располагаются в благоприятных для промысловой деятельности местах: на побережьях морских заливов-лагун, на приустьевых участках долин небольших рек, а также в долине крупной реки Тымь. Основная часть исследованных памятников располагается в северной части Сахалина, в южной части острова — только на западном побережье, на поселении Усть-Айнское.

Полученные серии абсолютных дат позволяют обозначить хронологию *набильской* культуры в рамках X кал. в. до н.э. — I кал. в. н.э. [История Сибири, 2019, с. 159]. Нижнюю границу интервала возможно сузить до II кал. в. до н.э.

В указанных хронологических рамках археологические комплексы *набильской* культуры группируются в три последовательных периода: X кал. в. до н.э. (Джимдан-5, Чайво-6) — ранний; VIII–IV кал. вв. до н.э. (Чайво-1; Аскасай-7, Усть-Айнское-1) — средний и IV–II кал. вв. до н.э. (Мыс Островной, пункт 7; Мыс Островной, пункт 4) — поздний, с хронологическим разрывом между ранним и средним. В настоящее время продолжается процесс осмысления и интерпретации полученных результатов, чему способствует уточнение данных абсолютного датирования.

Получение радиоуглеродных датировок комплексов *набильской* археологической культуры поселения Мыс Островной, пункт 7 и пункт 4, исследованных археологической экспедицией Сахалинского государственного университета в 2013–2015 гг. на территории Пильтунской косы [Василевский, 2017; Грищенко, 2019], позволяют выделить поздний период *набильской* археологической культуры, в хронологическом интервале IV–II кал. вв. до н.э.

Исследованные объекты расположены на удалении 650 м друг от друга, обладают сходством материально-бытового инвентаря и имеют видимые отличия от более ранних комплексов. Целями работы является сравнение комплексов двух указанных объектов, выделение особенностей позднего периода *набильской* культуры и осмысление исследованных материалов в контексте их принадлежности к эпохе палеометалла.

Топография и стратиграфия изученных комплексов

Поселение Мыс Островной расположено в центральной части Пильтунской косы, отчленяющей эстуарно-лагунный залив Пильтун от Охотского моря (рис. 1). Эстуарно-лагунные зоны являются уникальной частью Мирового океана. В прибрежных лагунах наиболее интенсивно происходит продуцирование органического вещества [Кафанов, Лабай, Печенева, 2003, с. 8]. Восточосахалинские лагуны и непосредственно прилегающие к ним участки открытого моря являются районами нагула и промысла лососевых рыб, сельди, наваги, корюшек [Кафанов, Лабай, Печенева, 2003, с. 9]. Пресные и морские воды и поступающий с ними осадочный материал вносятся в лагуну и выносятся из нее, определяя в значительной мере продуктивность прибрежной шельфовой зоны [Бровко, Микишин, Рыбаков, 2002, с. 6].

Следует отметить, что пролив, соединяющий лагуну Пильтун с Охотским морем, который в настоящее время располагается в 24 км южнее памятника, ежегодно смещается в южном направлении [Афанасьев, 2019, с. 83]. Таким образом, в описываемый период пролив находился гораздо ближе к памятнику. При этом распределение биомассы зообентоса, служащего кормовой базой значительной части промысловых видов рыб, в лагуне Пильтун носит градиентный характер, уменьшаясь от предпролив-

ной части к северу [Кафанов, Лабай, Печенева, 2003, с. 93]. Вероятно, указанные природные обстоятельства обусловили выбор мест обустройства таких долговременных объектов, как жилища, в достаточно неблагоприятных для постоянного проживания условиях. С другой стороны, климатическим фоном, в котором существовали описываемые объекты, являются периоды позднего суббореала — раннего субатлантика, когда температуры были несколько выше современных [Микишин, Гвоздева, 1996, с. 70].

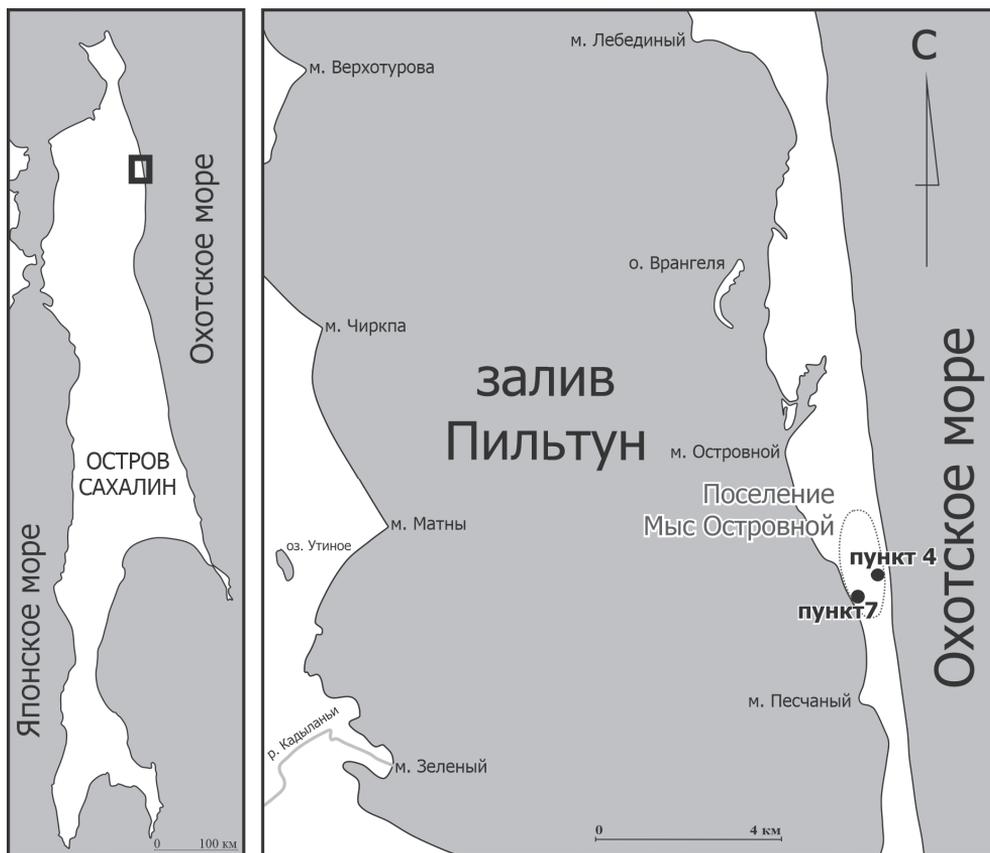

Рис. 1. Схема расположения пунктов 7 и 4 поселения Мыс Островной
Fig. 1. Layout scheme of the 7 and 4 points of Mys Ostrovnoy settlement

Поселение Мыс Островной приурочено к дюнным всхолмленным участкам и понижениям между дюнными грядами. Пункт 7 поселения — на частично задернованной поверхности песчаной дюны. Пункт 4 находился на пологом склоне дюны, в ложбине между двумя грядами дюнных всхолмлений. Площадки, где располагались исследуемые объекты, не выделялись из окружающего ландшафта. Наличие погребенных жилищ установлено при разборе дюнно-песчаных напластований.

Стратиграфия сходна в обоих исследованных жилищах. Кровля отложений сложена золовыми песками. Их мощность различна. На участках ветровой эрозии они полностью отсутствуют, а на участках аккумуляции формируют пачку отложений (до 60 см),

перекрывающую культурный слой. Заполнения жилищных впадин составляют мешаные пески с мелкими угольками — оползшие отвалы котлованов, перемешанные с истлевшими остатками кровель и элементов конструкции.

Жилища

Котлован жилища поселения Мыс Островной, пункт 7 имеет подпрямоугольную форму (рис. 2.-1). Его размеры 9,8×8,6 м. Высота стенок с северо-восточной стороны достигает 50 см, с северо-западной, западной и юго-восточной сторон — 20–30 см, а на поврежденном ветровой эрозией участке с юго-западной стороны — не более 10 см. Разница высот стенок объясняется изначальным отсутствием ровной поверхности, а нивелирование их высот при строительстве жилища производилось грунтом, заполнявшим котлован (обваловкой).

В центральной части жилища располагается углистая линза мощностью около 10 см — остатки очага. В плане линза подпрямоугольной формы, размерами 2×1,5 м. С ее южной и северной сторон прослеживаются две небольшие, округлые в разрезе канавки диаметром 10–30 см. Описанные следы позволяют считать, что очаг в центре жилища представлял собой кострище, обложенное деревянными плахами. Подобные очаги прямоугольной формы с ограждением из плах наблюдали этнографы в XIX — 1-й трети XX в. н.э. в нивхских жилищах на Нижнем Амуре и Сахалине [Крейнович, 1973, с. 96]. В 1 м западнее очага располагалась еще одна, округлая в плане, углистая линза, диаметром около 0,5 м. Ее назначение до конца не ясно.

В ходе разбора пола жилища выявлены контуры столбовых ямок. В древности в них располагались опорные и вспомогательные столбы, поддерживающие кровлю жилища, а также иного хозяйственно-бытового назначения. Такие же столбовые ямки выявлены на западном плече жилищного котлована. В плане группа ямок на западном плече жилища образует дугу, сходящуюся к углам котлована. Здесь располагалась обвязка кровли, образывавшая пятый угол, делавший конструкцию более устойчивой к ветрам.

С восточной стороны к котловану жилища примыкает камера коридора, составляющая с ним единый комплекс. Основание коридора, начинаясь на одном уровне с основанием котлована, повышается к дистальной части. Ввиду отсутствия в коридоре ямок опорных столбов, а также с учетом глубины от поверхности, он относится к типу лазов. Стратиграфическая последовательность в камере коридора аналогична стратиграфии жилища. Особенностью отложений здесь является наличие прослойки плотного вещества темно-коричневого цвета, состоящего из смеси песка и органического тлена. Вероятно, это остатки шкур, которыми отапливаемое очагом пространство дома отделялось от холодного лаза.

Следующей особенностью являются находки фрагментов бересты в слое, сопоставимом с остатками перекрытия. Использование этого материала для устройства кровель жилищ коренного населения северного Сахалина отмечается вплоть до 30-х гг. XX в. [Крейнович, 1973, с. 94]. В настоящее время источники бересты на территории Пильгунской косы отсутствуют. Растительность на северном Сахалине в период позднего суббореала — раннего субатлантика была представлена лиственничными лесами с участием темнохвойных пород, также присутствовали мелко- и широколиственные породы и фригидные кустарники. Это свидетельство более теплого, чем современный,

климата [Микишин, Гвоздева, 2013, с. 105]. Таким образом, даже если березы как источник бересты в описываемый период не произрастали непосредственно на территории памятника, то могли находиться ближе к нему, чем в настоящее время.

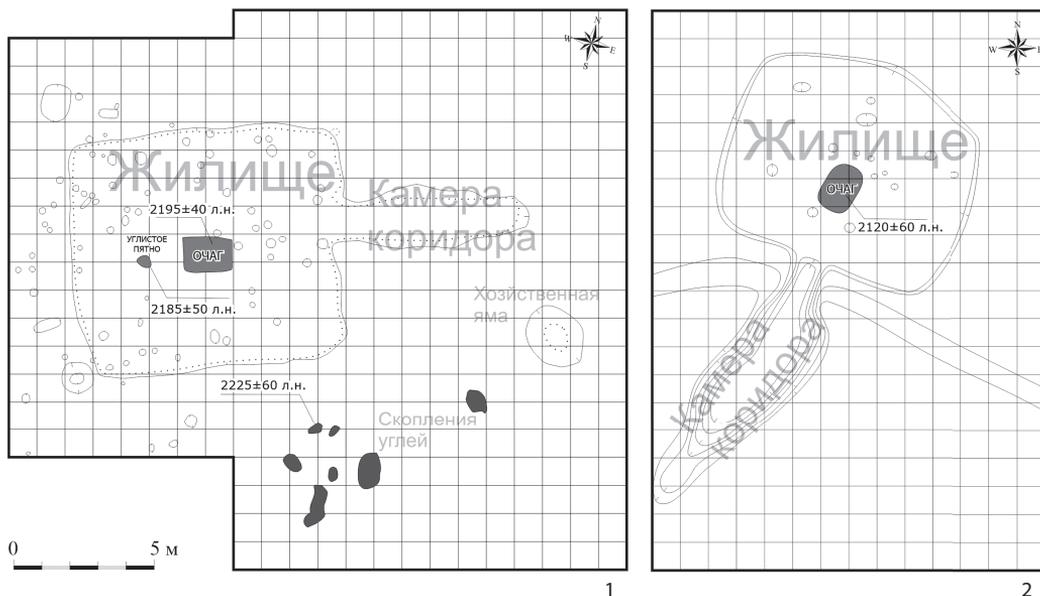

Рис. 2. Объекты, входящие в состав набильских комплексов: пункт 7 (1); пункт 4 (2)

Fig. 2. Objects which are part of the Nabil complexes: point 7 (1); point 4 (2)

Котлован жилища поселения Мыс Островной, пункт 4 — подпрямоугольной формы (рис. 2.-2). Северо-восточная стенка котлована дугообразная, образует дополнительный, пятый угол. Размеры котлована 9,1×7,1 м. Высота стенок 20–30 см. В центральной части жилища располагается углистая линза подпрямоугольной формы — остатки очага. Очаг незначительно смещен от геометрического центра в юго-западном направлении, в сторону входного лаза жилища. Размеры очага 1,8×1,2 м. В ходе разбора пола жилища выявлены контуры столбовых ямок, опорных и вспомогательных столбов конструкции жилища. Заполнения ямок содержат мешаные отложения.

К котловану жилища с юго-западной стороны примыкает вытянутая камера коридора. Коридор впущен в тело более высокого, чем уровень плечиков котлована, песчаного всхолмления. Основание камеры коридора существенно ниже основания камеры котлована жилища, а отсутствие столбовых ям позволяет интерпретировать коридор как коридор-лаз. Форма коридора неправильно-овальная и он асимметричен по отношению к продольной оси жилища. Длина камеры коридора 10 м, его максимальная ширина в центральной части составляет 3 м, а в месте примыкания к камере жилища — 1,2 м. Также в месте примыкания камеры коридора к камере жилища прослежена прослойка плотного вещества темно-коричневого цвета, состоящего из смеси песка и органического тлена. Вероятно, это остатки шкур, отделявших пространство дома от коридора-лаза.

Изученные конструкции представляют собой остатки жилищ полуподземного типа, предназначенные для постоянного обитания в суровых условиях северо-восточного Сахалина. Основу жилищ составлял углубленный в землю котлован: четырехугольной формы на пункте 7 и пятиугольной — на пункте 4. Различия объясняются разными принципами устройства кровли: в большем по размеру жилище пункта 7 стропильная конструкция пятого угла вынесена за пределы котлована, на его плечико, тогда как в жилище пункта 4 пятый угол оформлен стенкой котлована, в которую упирались основания стропил. В обоих случаях пятый угол ориентирован в направлении ветров, наиболее сильных на данном участке местности: на пункте 7 он ориентирован в сторону близлежащего зеркала лагуны Пильтун, на пункте 4 — в охотоморскую сторону. Пятому углу в обоих жилищах противостоит углубленный коридор-лаз, не имеющий специальной стропильной конструкции. От основной отапливаемой очагом камеры лаз отделялся навесом из шкур. Кровля камеры коридора укрывалась органическими материалами — находки бересты в камере коридора жилища пункта 7 позволяют предполагать использование данного материала с этой целью.

Описанные жилища позднего периода *набильской* культуры имеют черты как сходства, так и различия с жилищами ранних периодов. Сходство заключается в пятиугольной форме котлованов (Аскасай-7) или наличии столбовых ямок (Джимдан-5), уступа (Чайво-1), расположенных на плече жилища. На поселении Чайво-1 зафиксирована двухкамерная конструкция набильского жилища, однако наличие предвходовой конструкции коридора-лаза отмечается только в поздний период *набильской* культуры.

К востоку от жилища пункта 7 располагалась овальная в плане яма, размерами 2,4×1,8 м. Она заполнена песчаными отложениями, включающими древесные угли. Глубина ямы 55 см. Подобные объекты повсеместно сопровождают поселенческие комплексы эпохи камня, палеометалла и Средневековья, они служили для различных целей, в том числе для хранения припасов.

Отметим высокую концентрацию находок за пределами жилища пункта 7, на площадке у юго-восточного угла дома, прикрытой от северных ветров. При разборе отложений на площадке за пределами жилища обнаружены скопления углей — следы кострищ, что свидетельствует в пользу использования данной территории в качестве хозяйственной зоны в промысловый период.

Вещественные комплексы

В составе исследованных вещественных комплексов на обоих исследованных пунктах поселения имеются фрагменты керамических сосудов, изделия из камня. На пункте 7 в основании жилища корродированные фрагменты железа — предположительно окислившиеся фрагменты железных предметов.

Керамика

Археологически целые сосуды из комплекса жилища поселения Мыс Островной, пункт 7 имеют овалоидовидные формы. Первый сосуд (рис. 3.-1) высотой 16 см, максимальный диаметр тулова 15 см. Венчик овальной симметричной формы. Плечико расположено на 3 см ниже кромки венчика, а диаметр сосуда в зоне плечика превышает диаметр по венчику на 1 см. От зоны плечика тулово по параболической траектории сходится к донной части, имеющей наверху в виде характерного для *набильской*

керамики сосцеобразного утолщения. Толщина стенок сосуда от 4 до 6 мм. Цвет стенок грязно-коричневый, большая часть сосуда закопчена либо покрыта слоем нагара.

Второй археологически целый сосуд — малого размера. Его высота 6 см при максимальном диаметре тулова 9,5 см. Сосуд широкогорлый, с приплюснутым туловом и очень слабо выпуклым высоким плечиком. Тулово параболическое. Цвет стенок грязно-коричневый. Нагар пятнами на внешней стенке. Донная часть утолщена.

Анализ фрагментов горловин сосудов позволяет выделить две формы сосудов пункта 7 поселения: простые и со слабовыраженной шейкой. В коллекции пункта 7 поселения преобладают венчики овальной внешне симметричной формы и венчики овальной симметричной формы, остальные имеют прямую, грибовидную, а также не характерную для керамики предшествующих периодов *набильской* культуры овальную внутренне асимметричную форму.

Рис. 3. Керамика: пункт 7 (1–6); пункт 4 (7–11)

Fig. 3. Pottery: point 7 (1–6); point 4 (7–11)

Археологически целых изделий пункта 4 не сохранилось, поэтому их морфология реконструируется по фрагментам. Анализ профилей позволяет утверждать, что форма сосудов соответствовала морфологии *набильских* изделий: почти все стенки в коллекции имеют различную степень вогнутости, что свидетельствует об овалоидовидной форме. По профилям привенечных частей сосудов отмечены фрагменты с прямой стенкой и слабо профилированные, что позволяет выделить изделия двух типов: простые и со слабовыраженной шейкой. Распределение форм венчиков сосудов пункта 4 прак-

тически идентично распределению форм венчиков пункта 7 поселения. Все донные части изделий приотстрыены, имеют наверху в форме донного «сосочка».

Орнамент (рис. 3.-2-5) на керамические сосуды поселения Мыс Островной, пункт 7 наносился на горловину сосуда, иногда с переходом на зону транзита. Преобладает негативный рельеф орнамента, позитивные формы отмечены на двух фрагментах, кроме того, позитивные формы орнамента применялись для декора донец (рис. 3.-6).

Преобладающей техникой орнаментации является техника печатной гребенки. Доля других техник существенно ниже. При этом, если отступающе-накольчатая техника традиционно использовалась в орнаментации *набильских* изделий, то использование техник прочерчивания, насекания и налепа не используется в ранних *набильских* комплексах [Пашенцев, 2012, с. 178].

Преобладающим элементом орнамента выступают сплошные горизонтальные линии, которые выполнены либо в резной технике, либо составлены из отдельных оттисков гребенчатого штампа, образующих сплошную линию, значительную долю составляют диагональные и вертикальные короткие линии, а также наклонные линии по кромке венчика. В орнаменте отмечается наличие элементов, не характерных для *набильской* культуры. В частности, фрагмент горловины сосуда с налешной лентой-бордюром вдоль устья (рис. 3.-5). Плоскость бордюра декорирована диагональными оттисками. Подобное сочетание элементов характерно для сосудов *пильтунской* культуры, сосуществовавшей с *набильской* на Северном Сахалине во 2-й половине I тыс. до н.э. [Василевский, Грищенко, 2012, с. 37].

В керамической коллекции отмечается наличие двух видов узоров: 1) простых, составленных из одного орнаментального элемента; 2) составных, имеющих в составе два, три либо четыре элемента (табл. 1). Преимущественно двух-, трех- и четырехэлементные узоры составлены из сочетаний сплошных горизонтальных линий с диагональными короткими. Узоры, содержащие в разных вариациях данное сочетание, составляют 53% всех составных узоров коллекции.

Таблица 1

Поселение Мыс Островной, пункт 7.

Встречаемость сочетаний элементов орнамента керамики в узорах

Tab. 1

Mys Ostrovnoy settlement, point 7.

Combinations of the ceramic ornament elements in the patterns

Узор	Количество декорированных фрагментов (ед.)
Двухэлементные	
Горизонтальные сплошные линии + диагональные короткие линии	9
Горизонтальные сплошные линии + вертикальные короткие линии	3
Горизонтальные сплошные линии + диагональные линии по кромке венчика	3
Вертикальные короткие линии + диагональные линии по кромке венчика	3
Горизонтальные сплошные линии + прямые линии по кромке венчика	2
Горизонтальные сплошные линии + горизонтальные короткие линии	1

Окончание таблицы 1

Узор	Количество декорированных фрагментов (ед.)
Диагональные короткие линии + отдельные оттиски	1
Диагональные короткие линии + диагональные линии по кромке венчика	1
Утолщение в форме бордюра вдоль кромки венчика + встречно-диагональный орнамент («елочка»)	1
Трехэлементные	
Горизонтальные сплошные линии + диагональные короткие линии + диагональные линии по кромке венчика	7
Четырехэлементные	
Горизонтальные сплошные линии + диагональные короткие линии + утолщение в форме бордюра вдоль кромки венчика + диагональные линии по кромке венчика	1

Декор (рис. 3.-7-10) на керамические сосуды поселения Мыс Островной, пункт 4 наносился на горловину: от венчика до плечика, иногда несколько ниже плечика. Часто декорировался венчик. Единственной формой орнаментации является негативный рельеф, позитивные формы встречаются только в декоре донец (рис. 3.-11).

Преобладающими приемами орнаментации являются отступающе-накольчатая техника и техника печатной гребенки. Доля других техник единична, в частности, один фрагмент декорирован концом стека и один — в технике насекания.

Преобладающим элементом орнамента выступают сплошные гребенчатые линии, значительную долю составляют отдельные оттиски. По видам узоров выделяются: 1) простые, составленные из одного орнаментального элемента; 2) составные, имеющие в составе два элемента (табл. 2).

Таблица 2

**Поселение Мыс Островной, пункт 4.
Встречаемость сочетаний элементов орнамента керамики в узорах**

Tab. 2

**Mys Ostrovnoy settlement, point 4.
Combinations of the ceramic ornament elements in the patterns**

Узор	Количество декорированных фрагментов (ед.)
Двухэлементные	
Горизонтальные сплошные линии + диагональные линии по кромке венчика	2
Диагональные короткие линии + диагональные линии по кромке венчика	1
Горизонтальные сплошные линии + прямые линии по кромке венчика	1
Горизонтальные сплошные линии + горизонтальные короткие линии	1
Горизонтальные сплошные линии + отдельные оттиски	1

Керамический комплекс пунктов 7 и 4 поселения характерен для керамики *набивского* типа. Типологически выдержанны особенности изготовления сосудов, их формы,

базовые элементы декора. Основой последнего выступают вариации композиций линейно-геометрического орнамента, состоящие из сочетаний сплошных горизонтальных и коротких диагональных оттисков.

Вместе с тем керамика обладает рядом особых черт, отличающих ее от керамики предшествующих периодов *набильской* культуры. Они выражены в появлении нехарактерных форм венчиков и «новых» для *набильской* керамики приемов, элементов и узоров декора. Появляются наклепная, прочерченная и насечная техники, узоры, составленные встречно направленными диагональными оттисками, и элементы декора, образованные насечками по кромке венчика. Эти признаки являются индикаторами инोकультурных инфильтраций в *набильскую* керамическую традицию, связанных с влиянием носителей *пильтунской* археологической культуры.

Каменные орудия и украшения

Большую часть инструментария, обнаруженного на изученных пунктах поселения, составляют каменные орудия (рис. 4.-1–16). Основным сырьем для их изготовления служили местные породы кремня. Незначительное число изделий выполнено из яшмоида и кварцита. В качестве основы использовалось галечное сырье. Об этом свидетельствует наличие галечной корки на части сколов и отщепов. Орудия изготовлены с использованием отщепово-бифасиального принципа расщепления. На памятнике зафиксирован полный цикл расщепления, что нашло отражение в номенклатуре его дериватов, среди которых представлены выработанные нуклеусы и нуклевидные обломки, первичные сколы, отщепы различных размеров. Это свидетельство изготовления каменных орудий непосредственно на месте.

На отщепах изготовлены ножи, скребки, наконечники метательных орудий. Большинство ножей — рукояточные, с оформленной черешковой частью (рис. 4.-1, 6, 8–9, 11–12, 14). Все они имеют овально-асимметричные формы. Черешок некоторых оформлен выемчатыми сколами (рис. 4.-1, 6, 8). Функцию ножей, по-видимому, выполняли некоторые крупные отщепы, на которых отмечаются характерные следы утилизации.

Важное значение имеет находка шлифованного ножа из сланца с просверленным отверстием в черешковой части, видимо, служившим для подвешивания (рис. 4.-10). Предполагаем, что это орудие является репликой металлического аналога, поскольку техника шлифовки в изготовлении ножей в неолитическую эпоху в островных памятниках не прослеживается.

Скребки представлены концевыми и боковыми формами. Рабочая кромка орудий выполнена крутой и полукрутой одно- и двусторонней ретушью (рис. 4.-4, 7, 13). Рабочие кромки сточены, фасетированы либо завальцованы, что говорит об интенсивном использовании орудий для обработки как жестких материалов, так и шкур.

Наконечники метательных орудий — бифасиальные черешковые и бесчерешковые с прямой и выемчатой базой (рис. 4.-2–3, 5, 15). Наконечники малые (длиной 17–25 мм) и средние (длиной 40–60 мм). Отсутствие крупных наконечников позволяет предполагать, что основным объектом промысла могла являться мелкая и средняя добыча. Возможными объектами охоты на косе могли служить морские млекопитающие и различные виды перелетных птиц.

Изделия из камня составляют половину коллекций на обоих описываемых пунктах памятника. Предполагаем, что указанное обстоятельство обусловлено хозяйственно-промысловой ориентацией населения, проживавшего на Пильтунской косе. Интенсивность хозяйственной деятельности требовала большого количества орудий, необходимых для охоты и обработки добычи. Охотничье-рыболовецкие памятники обладают гораздо большей номенклатурой промыслового инвентаря и более разнообразной их формой [Фосс, 1949, с. 42].

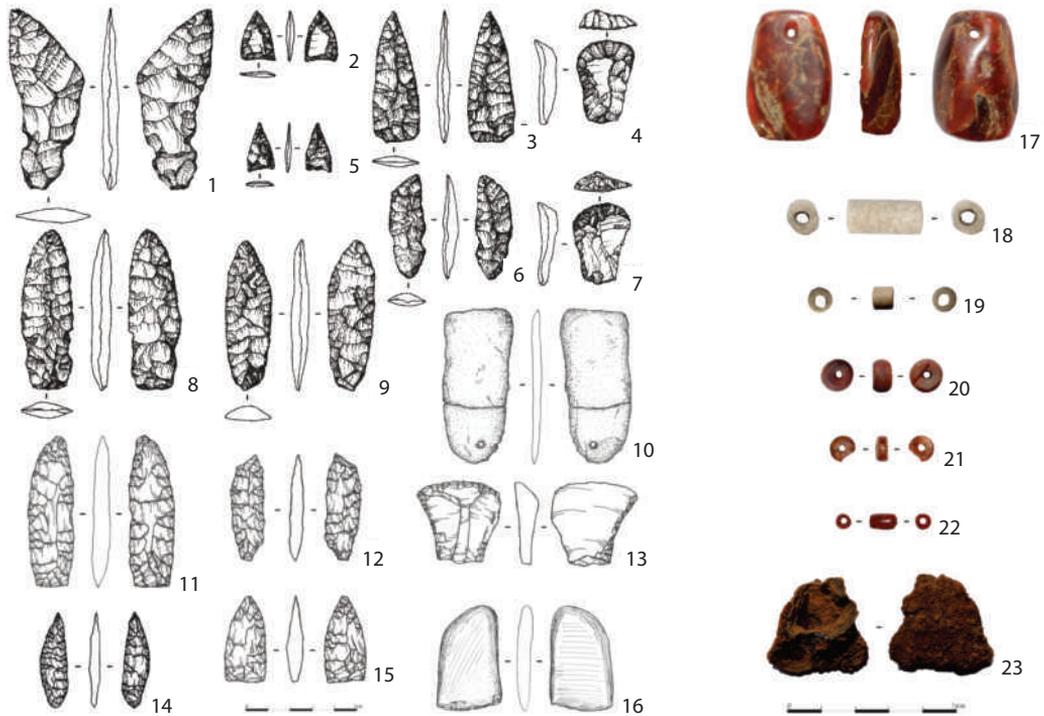

Рис. 4. Каменные орудия: пункт 7 (1–9); пункт 4 (10–16). Украшения: пункт 7 (17–20); пункт 4 (21–22); окислившееся железо (23)

Fig. 4 Stone tools: point 7 (1–9); point 4 (10–16). Jewelry: point 7 (17–20); point 4 (21–22); corroded iron (23)

Наличие значительного количества орудий из камня не противоречит отнесению *набильской* культуры к эпохе палеометалла. Во-первых, в культурах, сопровождаемых металлическим предметами, отмечается развитие и доведение до совершенства приемов обработки камня [Фосс, 1949, с. 42]. Во-вторых, исследователи изучавшие районы, расположенные в северо-западной части Тихого океана, отмечают, что система «трех веков» здесь работает с перебоями, их применение требует оговорок, неолит может быть вторичным, а ранние стадии бронзового и железного веков могут быть почти без металла [Окладников, 1964, с. 53; Александров, Арутюнов, Бродянский, 1982, с. 4; Дьяков,

1989, с. 146]. В-третьих, изделия из металла не могли удовлетворить все хозяйственные потребности, поэтому многие народы Дальнего Востока для ряда хозяйственных операций долгое время использовали каменные орудия [Деревянко, 1976, с. 128].

Особую группу каменных изделий составляют украшения (рис. 4.-17–22). Все они выполнены в технике шлифовки. Среди данной группы находок выделяются подвески и бусы. Материалом для изготовления украшений служили янтарь и мягкая порода пятнистой текстуры, бежево-серого цвета. Из последней изготовлены цилиндрические бусины со сверленным продольным отверстием, очевидно, имеющие импортное происхождение (рис. 4.-18–19). Из янтаря изготовлены круглые бусы, а также подвески овальной и трапециевидной форм (рис. 4.-17, 20–22). Ближайшие месторождения янтаря расположены в южной части Сахалина. Комплекс украшений, включающий изделия из сторонних для региона материалов и использование цилиндрических бус, показывает наличие культурных контактов жителей северной части Сахалина с югом острова и населением континента.

Железо и результаты абсолютного датирования памятника

Уникальным в условиях кислых и переувлажненных почв острова Сахалин является обнаружение в культурном слое жилища пункта 7 сильно корродированных фрагментов железа (рис. 4.-23). Однако обнаружение данного материала закономерно, если принять во внимание абсолютные даты комплекса.

Отбор угля для проведения радиоуглеродного датирования произведен из линз, содержащих карбонизированные остатки древесины: заполнения очагов жилищ пункта 7 и пункта 4, углистого пятна в полу жилища пункта 7, скопления углей за пределами жилища на территории пункта 7. Результаты датирования (табл. 3) показали близкие даты.

Таблица 3

Результаты радиоуглеродного датирования*

Tab. 3

Radiocarbon dating results*

Номер п/п	Объект	C14 возраст (л. н.)	Калиброванный календарный возраст	Индекс
1	Мыс Островной, пункт 7. Жилище (очаг)	2195±40	400–111 гг. до н.э.	СОАН-9145
2	Мыс Островной, пункт 7. Жилище (углистое пятно в полу жилища)	2185±50	383–60 гг. до н.э.	СОАН-9146
3	Мыс Островной, пункт 7. Скопление углей за пределами жилища	2225±60	385–121 гг. до н.э.	СОАН-9154
4	Мыс Островной, пункт 4. Жилище (очаг)	2120±60	360 г. до н.э. — 14 г. н.э.	IGAN-7984

* Радиоуглеродное датирование образцов проводилось в Лаборатории геологии и палеоклиматологии кайнозоя Института геологии и минералогии им. В. С. Соболева ИАЭТ СО РАН (индекс СОАН); ЦКП «Лаборатория радиоуглеродного датирования и электронной микроскопии» Института географии РАН (индекс IGAN). Калибровка выполнена с использованием программы OxCal, калибровочная шкала Intcal20.

Серия перекрестных дат, полученная из различных карбонизированных источников комплекса пункта 7 поселения, позволяет уверенно датировать изученный комплекс IV–II вв. до н. э. Соответствует этим данным верхняя граница интервала даты из очага жилища пункта 4, однако существование деревянного полуподземного дома на протяжении почти 400 лет без каких-либо перестроек (следы которых не фиксируются) и накопления значительных культурных отложений (также отсутствующих) невозможно. Учитывая сходство (почти тождество) комплексов жилищ пунктов 7 и 4, предполагаем их синхронную датировку в интервале IV–II вв. до н. э.

Заключение (результаты и выводы)

Исследованные комплексы пунктов 7 и 4 поселения Мыс Островной включают остатки двух полуподземных жилищ, хозяйственной ямы и площадки хозяйственной деятельности рядом с жилищем. Результаты стратиграфических наблюдений позволяют утверждать, что археологические предметы связаны с исследованными объектами и были погребены одновременно с ними. Таким образом, они образуют замкнутые и изолированные от внешней среды комплексы. «Чистота» комплексов устанавливается не только типологическим единством материалов и стратиграфическими данными, но и подтверждается их удаленностью от остальных жилищных групп поселения Мыс Островной. В культурно-хронологическом смысле пункты 7 и 4 образуют самостоятельные археологические объекты IV–II вв. до н. э.

Исследованные комплексы обладают существенным сходством объектов и хозяйственно-бытового инвентаря. Оно прослеживается в принципах устройства жилищ полуподземного типа — наличии дополнительного, пятого угла и противоположащего ему коридора-лаза, прямоугольного очага в центральной части камеры жилища. Сходство керамических изделий прослеживается в морфологии венчиков, приемах декора и элементах орнамента. Практически идентичен каменный инвентарь, изготовленный в отщепово-бифасиальной технике, техниках оббивки и шлифовки. Наконец, прослеживается сходство украшений — идентичны янтарные бусы, обнаруженные на обоих пунктах поселения.

Основой поселения являются углубленные в землю жилища полуподземного типа, связанные с окружающим их пространством длинными коридорами-лазами. Прилегающее пространство могло использоваться обитателями для хозяйственных нужд. Размещение жилищ у воды, на косе между Охотским морем и лагуной Пильтун, номенклатура ретушированных и шлифованных орудий и инструментов свидетельствуют в пользу приморской хозяйственно-промысловой направленности поселения.

Наличие *in situ* корродированного железа и датирование в рамках IV–II вв. до н. э. позволяют предположить использование металла для изготовления орудий промысла. Обращает внимание соседство в рамках одного комплекса металла и развитой технологии обработки камня, однако рассмотрение археологических материалов сопредельных районов Дальнего Востока показывает, что соседство в рамках одного археологического комплекса неолитических техник с изделиями века металлов является распространенным для эпохи палеометалла в регионе [Деревянко, 1969, с. 104; Александров, Арутюнов, Бродянский, 1982, с. 99; Дьяков, 1989, с. 146]. В этом смысле показательным является наличие в комплексе шлифованной каменной реплики металлического изделия. Важ-

ным признаком является обнаружение цилиндрических бус, повсеместно в регионе сопровождающих комплексы эпохи палеометалла [Окладников, 1955, с. 167; Сидоренко, 2007, с. 14; Шевкомуд, Шаповалова, Косицына, 2017, с. 292].

Другой важной особенностью являются отмеченные изменения в морфологии и декоре керамического комплекса — свидетельство инфильтрации в него инокультурных керамических традиций [Цетлин, 2012, с. 48]. Данные инфильтрации в *набильскую* керамическую традицию связаны с влиянием носителей *пильтунской* археологической культуры. Как отметил Л. С. Клейн, памятники, сочетающие черты более ранней и более поздней культур, присутствуют как результат смешивания и скрещивания пришельцев с остатками местного населения не только при местном развитии, но и при смене населения [Клейн, 1999, с. 54]. Указанные обстоятельства позволяет предполагать, что в конце I тыс. до н. э. происходит трансформация, приведшая к складыванию эклектичных культур в контактной зоне Амур — Сахалин. Симптоматично, что аналогичный процесс появления синкретичных по своему характеру культур и сложения новых этнических групп в этот период происходит и в соседнем Приморье [Сидоренко, 2016, с. 180], а также в бассейне реки Амур [История Сибири, 2019, с. 143].

Дискуссионные положения

Результаты радиоуглеродного датирования показывают достаточно позднюю датировку изученных *набильских* комплексов. На пунктах 7 и 4 поселения Мыс Островной каменный инвентарь присутствует массово, в то время как в памятниках *набильской* культуры более раннего времени (Джимдан-5, Чайво-1, Аскасай-7) каменный инвентарь минимален. Полагаем, что массовость каменного инвентаря описываемых объектов и его активное использование вызвано дефицитом изделий из металлов в условиях зависимости островитян от его импорта с материка. В условиях интенсивного промысла каменный инвентарь замещал металлические аналоги. Наличие импортных товаров и предполагаемый импорт металла должны были иметь следствием встраивание народов Сахалина в систему региональных торгово-обменных связей. В свою очередь, данные связи в условиях общественного разделения труда обуславливали формирование специфического хозяйственно-культурного типа [Чеснов, 1970, с. 22].

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Александров А. В., Арутюнов С. А., Бродянский Д. Л. Палеометалл северо-западной части Тихого океана. Владивосток : Изд-во ДВГУ, 1982. 104 с.

Афанасьев В. В. Морфолитодинамика лагунных проливов северо-восточного Сахалина // Геоморфология. 2019. № 2. С. 79–94. DOI: 10.31857/S0435-42812019279-94

Бровко П. Ф., Микишин Ю. А., Рыбаков В. Ф. Лагуны Сахалина. Владивосток : ДВГУ, 2002. 80 с.

Василевский А. А. Археологические раскопки стоянки Мыс Островной, пункт 7 на острове Сахалин в 2013 году, раскоп № 1. Сахалинская область. Муниципальное образование городской округ «Охинский»: научный отчет // Архив ИА РАН. Ф. 1 Р-1. 2017. 219 с.

Василевский А. А., Грищенко В. А., Кашицын П. В., Федорчук В. Д., Берсенева Е. В., Постнов А. В. Текущие археологические исследования на Сахалине (2003–2005 гг.) //

VI-th annual meeting of the Research Association of the North Asia. Tokyo : Tokyo University Press, 2005. Pp. 11–18.

Василевский А. А., Грищенко В. А. Сахалин и Курильские острова в эпоху палеометалла (I тыс. до н.э. — I тыс. н.э.) // Ученые записки Сахалинского государственного университета. Южно-Сахалинск : Изд-во СахГУ, 2012. Вып. 9. С. 29–41.

Грищенко В. А. Спасательные археологические раскопки стоянки Мыс Островной (пункт 4) в городском округе «Охинский» Сахалинской области в 2015 году: научный отчет // Архив ИА РАН. Ф. 1 Р-1. 2019. 208 с.

Деревянко А. П. Племена Приамурья и Приморья во II–I тыс. до н.э. // Этногенез народов Северной Азии. Новосибирск : Изд-во АН СССР, Ин-т истории, филологии и философии, 1969. Вып. 1. С. 95–108.

Деревянко А. П. Приамурье (I тыс. до н.э.). Новосибирск : Наука, 1976. 384 с.

Дьяков В. И. Приморье в эпоху бронзы. Владивосток : Изд-во ДВГУ, 1989. 296 с.

История Сибири: в 4 т. Т. 2: Железный век и Средневековье / отв. ред. В. И. Молодин. Новосибирск : Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2019. 643 с.

Кафанов А. И., Лабай В. С., Печенева Н. В. Биота и сообщества макробентоса лагун северо-восточного Сахалина. Южно-Сахалинск : СахНИРО, 2003. 176 с.

Клейн Л. С. Миграция: археологические признаки // Stratum plus. 1999. № 1. С. 52–71.

Крейнович Е. А. Нивхгу: загадочные обитатели Сахалина и Амура. М. : Наука, 1973. 496 с.

Микишин Ю. А., Гвоздева И. Г. Развитие природы юго-восточной части острова Сахалин в голоцене. Владивосток : Изд-во Дальневост. ун-та, 1996. 130 с.

Микишин Ю. А., Гвоздева И. Г. Средний-поздний голоцен Северо-Сахалинской равнины // Russian journal of Earth Sciences. 2013. № 2 (14). С. 97–108. URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_29761957_43604104.pdf. (дата обращения 03.05.2021)

Окладников А. П. Неолит и бронзовый век Прибайкалья/ Ч. 3: Глазковское время. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1955. 374 с. (МИА. № 43).

Окладников А. П. Советский Дальний Восток в свете новейших достижений археологии // Вопросы истории. 1964. № 1. С. 44–57.

Пашенцев П. А. Керамика набильского типа поселения Чайво-1 (по материалам археологических раскопок 2004 г.) // Сахалин и Курильские острова в истории России: к 65-летию образования Сахалинской области. Южно-Сахалинск : Архивное агентство Сах. обл., ГИА СО, СахГУ, 2012. С. 174–180.

Сидоренко Е. В. Северо-Восточное Приморье в эпоху палеометалла. Владивосток : Дальнаука, 2007. 270 с.

Сидоренко Е. В. Модели межкультурных коммуникаций в Приморье в эпоху палеометалла // Россия и АТР. Владивосток: Изд-во Ин-та истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, 2016. Вып. 2. С. 170–182.

Фосс М. Е. О терминах «неолит», «бронза», «культура» // Краткие сообщения института истории материальной культуры имени Н. Я. Марра. Вып. XXIX. 1949. С. 33–47.

Цетлин Ю. Б. Древняя керамика. Теория и методы историко-культурного подхода. М. : ИА РАН, 2012. 384 с.

Чеснов Я. В. О социально-экономических и природных условиях возникновения хозяйственно-культурных типов (в связи с работами М. Г. Левина) // СЭ. 1970. № 6. С. 15–26.

Шевкомуд И. Я., Шаповалова Е. А., Косицына С. Ф. Нижнетамбовский могильник (раскоп 2007 г.) // Археология CIRCUM-PACIFIC: Памяти Игоря Яковлевича Шевкомуда. Владивосток : Тихоокеанское изд-во «Рубеж», 2017. 464 с.

Vasilevski A. A., Grischenko V. A., Fedorchuk V. D., Mozaev A. V. 2003–2007 nen ni okeru Sakhalin kokuritsu daigaku ni yoru kokogakuchosa // 2008 nenpo Hookaid koko gakkai. i seki chosa hokoku kai shiryoshu. Hookaid koko gakkai, Sapporo : Hokkaido archaeological society, 2008. P. 71–83. (На яп. яз.)

REFERENCES

Aleksandrov A. V., Arutyunov S. A., Brodyanskij D. L. Paleometall severo-zapadnoj chasti Tihogo okeana [Paleometal Northwest Pacific]. Vladivostok : Izd-vo DVGU, 1982. 104 p. (*In Russ.*)

Afanas'ev V. V. Morfolitodinamika lagunnyh prolivov severo-vostochnogo Sahalina [Morpholotodynamics of Lagoon Straits of Northeastern Sakhalin]. Geomorfologiya [Geomorphology]. 2019. № 2. Pp. 79–94. (*In Russ.*) DOI: 10.31857/S0435–42812019279–94

Brovko P. F., Mikishin Yu. A., Rybakov V. F. Laguny Sahalina [Sakhalin Lagoons]. Vladivostok : DVGU, 2002. 80 p. (*In Russ.*)

Vasilevskij A. A. Arheologicheskie raskopki stoyanki Mys Ostrovnoj, punkt 7 na ostrove Sahalin v 2013 godu, raskop № 1. Sahalinskaya oblast'. Municipal'noe obrazovanie gorodskoj okrug "Ohinskij": nauchnyj otchet [Archaeological Excavations at Cape Ostrovnoj, Point 7 on Sakhalin Island in 2013, Excavation No. 1. Sakhalin Region. Municipal Formation Urban District "Okhinsky": Scientific Report]. Arhiv IA RAN [Archive IA RAN]. F. 1 R-1. 2017. 219 p. (*In Russ.*)

Vasilevskij A. A., Grishchenko V. A., Kashicyn P. V., Fedorchuk V. D., Berseneva E. V., Postnov A. V. Tekushchie arheologicheskie issledovaniya na Sahaline (2003–2005 gg.) [Current Archaeological Research on Sakhalin (2003–2005)]. VI-th annual meeting of the Research Association of the North Asia. Tokyo : Tokyo University Press, 2005. Pp. 11–18. (*In Russ.*)

Vasilevskij A. A., Grishchenko V. A. Sahalin i Kuril'skie ostrova v epohu paleometalla (I tys. do n. e. — I tys. n. e.) [Sakhalin and the Kuril Islands in the Era of the Paleometal (the 1st Millennium BC — 1st Millennium AD)]. Uchenye zapiski Sahalinskogo gosudarstvennogo universiteta [Scientific Notes of Sakhalin State University]. Yuzhno-Sahalinsk : Izd-vo SahGU, 2012. Vyp. 9. Pp. 29–41. (*In Russ.*)

Grishchenko V. A. Spasatel'nye arheologicheskie raskopki stoyanki Mys Ostrovnoj (punkt 4) v gorodskom okruge "Ohinskij" Sahalinskoj oblasti v 2015 godu: nauchnyj otchet [Rescue Archaeological Excavations at the Mys Ostrovnoj Site (Point 4) in the Okhinsky Urban District of the Sakhalin Region in 2015: Scientific Report]. Arhiv IA RAN [Archive IA RAN]. F. 1 R-1. 2019. 208 p. (*In Russ.*)

Derevyanko A. P. Plemena Priamur'ya i Primor'ya vo II–I tys. do n. e. [Tribes of Priamurye and Primorye in 2–1 Millennium BC]. Etnogenez narodov Severnoj Azii [Ethnogenesis of the

Peoples of North Asia]. Novosibirsk : Izd-vo AN SSSR, In-t istorii, filologii i filosofii, 1969. Vyp. 1. Pp. 95–108. (*In Russ.*)

Derevyanko A. P. Priamur'è (I tys. do n. e.) [Priamurye (1st Millennium BC)]. Novosibirsk : Nauka, 1976. 384 p. (*In Russ.*)

D'yakov V. I. Primor'è v epohu bronzy [Primorye in the Bronze Age]. Vladivostok : Izd-vo DVGU, 1989. 296 p. (*In Russ.*)

Istoriya Sibiri: v 4 t. T. 2: Zheleznyj vek i Srednevekov'è / Otv. red. V. I. Molodin [History of Siberia: in 4 Volumes. Vol. 2: The Iron Age and the Middle Ages / Ed. V. I. Molodin]. Novosibirsk : Izd-vo In-ta arheologii i etnografii SO RAN, 2019. 643 p. (*In Russ.*)

Kafanov A. I., Labaj V. S., Pecheneva N. V. Biota i soobshchestva makrobentosa lagun severo-vostochnogo Sahalina [Biota and Communities of Macrofauna in Lagoons of Northeastern Sakhalin]. Yuzhno-Sahalinsk : SahNIRO, 2003. 176 p. (*In Russ.*)

Klejn L. S. Migraciya: arheologicheskie priznaki [Migration: Archaeological Evidence]. Stratum plus. 1999. № 1. Pp. 52–71. (*In Russ.*)

Krejnovich E. A. Nivhgu: zagadochnye obitateli Sahalina i Amura [Nivkhgu: Mysterious Inhabitants of Sakhalin and Amur]. M : Nauka, 1973. 496 p. (*In Russ.*)

Mikishin Yu. A., Gvozdeva I. G. Razvitie prirody yugo-vostochnoj chasti ostrova Sahalin v golocene [Development of Nature in the Southeastern Part of Sakhalin Island in the Holocene]. Vladivostok : Izd-vo Dal'nevost. un-ta, 1996. 130 p. (*In Russ.*)

Mikishin Yu. A., Gvozdeva I. G. Srednij-pozdnij golocen Severo-Sahalinskoj ravniny [Middle-Late Holocene of the North Sakhalin Plain]. Russian journal of Earth Sciences. 2013. №2 (14). Pp. 97–108. URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_29761957_43604104.pdf. (data obrashcheniya 03.05.2021) (*In Russ.*)

Okladnikov A. P. Neolit i bronzovyj vek Pribajkal'ya. Ch. 3: Glazkovskoe vremya [Neolithic and Bronze Age of the Baikal Region. Ch. 3: Glazkovskoe Time]. M. ; L. : Izd-vo AN SSSR, 1955. 374 p. (MIA. № 43). (*In Russ.*)

Okladnikov A. P. Sovetskij Dal'nij Vostok v svete novejshih dostizhenij arheologii [Soviet Far East in the Light of the Latest Achievements of Archaeology]. Voprosy istorii [History Questions]. 1964. № 1. Pp. 44–57. (*In Russ.*)

Pashencev P. A. Keramika nabil'skogo tipa poseleniya Chajvo-1 (po materialam arheologicheskikh raskopok 2004 g.) [Ceramics of the Nabilsky Type of the Chayvo-1 Settlement (Based on Materials from Archaeological Excavations in 2004)]. Sahalin i Kuril'skie ostrova v istorii Rossii: k 65-letiyu obrazovaniya Sahalinskoj oblasti [Sakhalin and the Kuril Islands in the History of Russia: to the 65th Anniversary of the Formation of the Sakhalin Region]. Yuzhno-Sahalinsk : Arhivnoe agentstvo Sah. obl., GIASO, SahGU, 2012. Pp. 174–180. (*In Russ.*)

Sidorenko E. V. Severo-Vostochnoe Primor'è v epohu paleometalla [Northeastern Primorye in the Era of Paleometal]. Vladivostok : Dal'nauka, 2007. 270 p. (*In Russ.*)

Sidorenko E. V. Modeli mezhkul'turnyh kommunikacij v Primor'è v epohu paleometalla [Models of Intercultural Communication in Primorye in the Era of the Paleometal]. Rossiya i ATR [Russia and ATR]. Vladivostok: Izd-vo In-ta istorii, arheologii i etnografii narodov Dal'nego Vostoka DVO RAN, 2016. Vyp. 2. Pp. 170–182. (*In Russ.*)

Foss M. E. O terminah “neolit”, “bronz”, “kul'tura” [On the Terms “Neolithic”, “Bronze”, “Culture”]. Kratkie soobshcheniya instituta istorii material'noj kul'tury imeni N. Ya. Marra

[Brief Reports of the Institute for the History of Material Culture Named After N. Ya. Marra]. Vyp. XXIX. 1949. Pp. 33–47. (*In Russ.*)

Cetlin Yu. B. Drevnyaya keramika. Teoriya i metody istoriko-kul'turnogo podhoda [Ancient Ceramics. Theory and Methods of the Historical and Cultural Approach]. M. : IA RAN, 2012. 384 p. (*In Russ.*)

Chesnov Ya. V. O social'no-ekonomicheskikh i prirodnykh usloviyakh vozniknoveniya hozyajstvenno-kul'turnykh tipov (v svyazi s rabotami M. G. Levina) [On the Socio-economic and Natural Conditions for the Emergence of Economic and Cultural Types (in Connection with the Works of M. G. Levin)]. SE [SE]. 1970. № 6. Pp. 15–26. (*In Russ.*)

Shevkomud I. Ya., Shapovalova E. A., Kosicyna S. F. Nizhnetambovskij mogil'nik (raskop 2007 g.) [Nizhnetambov Burial Ground (Excavated in 2007)]. Arheologiya CIRCUM-PACIFIC: Pamyati Igorya Yakovlevicha Shevkomuda [Archaeology CIRCUM-PACIFIC: In Memory of Igor Yakovlevich Shevkomud]. Vladivostok : Tihookeanskoe izd-vo "Rubezh", 2017. 464 p. (*In Russ.*)

Vasilevski A. A., Grischenko V. A., Fedorchuk V. D., Mozaev A. V. 2003–2007 nen ni okeru Sakhalin kokuritsu daigaku ni yoru kokogakuchosa. 2008 nenpo Hookaid koko gakkai. i seki chosa hokoku kai shiryoshu. Hookaid koko gakkai. Sapporo : Hokkaido archaeological society, 2008. P. 71–83. (*In Japanese*)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Пашенцев Павел Анатольевич, научный сотрудник, Малое инновационное предприятие ФГБОУ ВО «Сахалинский государственный университет» ООО «Изыскатель СахГУ»; г. Южно-Сахалинск, Российская Федерация.

Pavel Anatolievich Pashentsev, Researcher, Small Innovative Enterprise of Sakhalin State University ООО "Iziskatel SakhGU", Yuzhno-Sakhalinsk, Russian Federation.

Материал представлен в редколлегию 09.04.2021.

Статья принята в номер 21.05.2021.